

**ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
ИЗУЧЕНИЯ КУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ**

УДК 72.03(470.1/.2)

А. Б. Пермиловская <https://orcid.org/0000-0002-3221-7197>

Мифология русского православия и архитектура деревянного храма

Исследование выполнено в рамках государственного задания по научной теме
«Комплексное исследование формирования и трансформации историко-культурного наследия
в этносоциальной динамике Европейского Севера и Арктики», № гос. регистрации – АААА-А18-118012390220-3

Для цитирования: Пермиловская А. Б. Мифология русского православия и архитектура деревянного храма // Ярославский педагогический вестник. 2021. № 2 (119). С. 151-158. DOI 10.20323/1813-145X-2021-2-119-151-158

Представленное исследование является начальным этапом новой работы. В статье в интегративном научном поле рассмотрено влияние мифопоэтического мировоззрения русских и православия на архитектурное устройство и знаковость в концепции деревянного храмостроительства северных и арктических территорий. Это находит подтверждение в организации культурного и сакрального ландшафта, в исторических преданиях и легендах о выборе места для строительства храма (часовни), особом статусе «священных» и «придорожных» рощ, деревьев, в выборе деревьев для строительства в сакральном значении, использовании отдельных частей деревянного храма как общественного центра и места проведения древних обрядов.

Лексика, связанная с народным зодчеством, указывает на антропоморфность архитектурного пространства храма. Сооружение как бы собирается из «крупных», качественно значимых составляющих человеческого тела (голова, шея, лицо, очи, кокошник, лоб, ребро, человеческий бюст и др.). Эта традиция сохраняется и укрепляется тем обстоятельством, что с древних времен пропорции человеческого тела выступали как тектоническая (строительная) модель всего архитектурного сооружения. В работе обоснован алгоритм воздействия мифопоэтического мировоззрения и православия на архитектурное устройство и знаковость церковного зодчества. Храм занимал центральное место в сакральном пространстве северного крестьянского мира. Проведенное исследование позволило убедительно доказать: деревянные храмы – знаковое наследие Русского Севера и Арктики. Вершина развития деревянного зодчества, воплощенная в северной храмовой архитектуре, явилась закономерным итогом древнерусских архитектурно-строительных традиций и отражением талантности русского народа, что позволяет перевести понятие «русский плотник» в категорию «русский зодчий».

Ключевые слова: мифологическое мировоззрение, русское православие, деревянный храм, знаковость, архитектурное устройство, Русский Север, Арктика.

**HISTORICAL ASPECTS
OF THE STUDY OF CULTURAL PROCESSES**

A. B. Permilovskaya

Mythology of the russian orthodoxy and wooden church architecture

This research topic is the initial stage of new work. The influence of the mythopoetic worldview of Russians and Orthodoxy on the architectural structure and symbolism in the concept of wooden temple building in the northern and arctic territories is considered an integrative scientific field in the article. This is founding a confirmation in the organization of the cultural and sacred landscape, in historical traditions and legends about the choosing of a place for the building of a temple (chapel). As well as the special status of «sacred» and «roadside» groves of trees, the selection of these trees for construction in a sacred meaning and using of individual parts of these temples as a community center and place for ancient rituals. The lexis, connected with the folk architecture, indicates the anthropomorphic nature of the architectural space of the temple. The construction, as it were, is assembled from «large», qualitatively significant components of the human body: head, neck, face, eyes, kokoshnik, forehead, rib, human bust, etc. This tradition is preserved and strengthened by the circumstance that since ancient times, the proportions of the human body acted as a tectonic (building) model of the entire architectural structure. The research substantiates an algorithm for the interaction

of the mythopoetic worldview and the Orthodoxy on the architectural structure, and the significance of church architecture. The temple occupied a central place in the sacred space of the northern peasant world. The conducted research made it possible to convincingly prove that wooden churches are a symbolic heritage of the Russian North and the Arctic. The pinnacle of the development of wooden architecture, embodied in the northern temple architecture, was a natural result of ancient Russian architectural – constructional traditions and a reflection of the talent of the Russian people, which allows us to translate the concept of «Russian carpenter» into the category of «Russian architect».

Keywords: mythological worldview, the Russian Orthodox Church, wooden church, the signs, the architectural device, Russian North, Arctic.

Введение

Храмовая архитектура «говорит» на языке архитектурных форм, в ней символически заключена традиционная картина мира человека и его религиозная доктрина. На протяжении тысячелетий человек жил в условиях господства религиозного и мифологического сознания. С распространением христианства быстро развивается деревянное храмостроительство, которое всегда шло впереди каменного. Традиции Византии с установившимися основными формами плана и составляющих элементов были приняты зодчими Руси всецело и оставались неизменными на протяжении столетий. Но деревянное храмостроительство развивается по своему пути и постепенно приобретает черты яркой индивидуальности и самобытности, в которой, безусловно, сохранились основные принципы храмостроения, заимствованные некогда у Византии.

Широкому творчеству в строительстве деревянных храмов способствовали, во-первых, значительная трудность передачи в дереве архитектурных модулей каменных храмов; во-вторых, то обстоятельство, что греческие мастера никогда не строили из дерева. Русские мастера проявили большую изобретательность, так как к этому времени в светской архитектуре уже были выработаны определенные конструктивные приемы, и эти формы смело применялись в деревянном храмостроительстве. «Страной зодчих» называл Русский Север И. Э. Грабарь. Эта метафора точно характеризует высокую крестьянскую строительную культуру. «...До сих пор дерево там единственный строительный материал, и поэтому на Русском Севере можно составить себе несравненно более близкое представление о внешнем облике деревянной Руси былых времен, нежели в центральных губерниях, в которых дерево давно уже вытеснено камнем» [Грабарь, 1910, с. 4-11].

Методы исследования

Теоретико-методологическим основанием исследования в соответствии с его междисциплинарным характером послужили следующие ме-

тоды: системный, историко-типологический, культурно-исторический, социокультурный, этнокультурологический, архитектурно-искусствоведческий, религиоведческий, богословский. Исследование опирается на применение двух авторских методик: 1) по архитектурно-этнографическому обследованию памятников деревянного зодчества; 2) по историческим поселениям как объектам культурного наследия с созданием историко-культурного опорного плана. Широко используется эмпирический материал, методика которого апробирована в 36 экспедициях и опубликована в учебном, научно-справочном пособии, 6 монографиях [Пермиловская, 2013; Фролов, 2020].

Высшим проявлением народного зодчества в православии было храмостроительство. В храме воплощался образ Вселенной. Говоря о культурных смыслах и ценностях народной архитектуры Русского Севера, нужно отметить, что польза и красота, материальные и духовные интересы крестьян неразделимы, а годовой цикл воспринимается ими не просто как смена времен года, а как кругооборот сакральных, дающих жизнь и плодородие сил земли. Вот почему начало и окончание сельскохозяйственных работ (например, начало сева, жатвы) отмечались как большие праздники, сопровождаемые различными обрядами, песнями, играми. Нельзя не отметить в верованиях северных крестьян такого качества народного мировоззрения, как ощущение взаимосвязи и взаимозависимости людей и природы, представление о мире как о своеобразном «природном храме».

Сопоставляя восприятие природы и отношение к нему народного мировоззрения, Д. С. Лихачев утверждал, что для средневекового человека природа – это, прежде всего, организованный Богом мир, который, несомненно, выше человека, «учит человека, подает человеку добрый пример праведной жизни» [Лихачев, 1982, с. 45]. Северная агиография дает возможность проследить влияние природного ландшафта при выборе участка для будущего монастыря – в лесу, на берегу реки, среди холмов. «Мир природы –

это мир святости, уход от человеческого мира в богоустановленный порядок не испорченной грехом природы» [Лихачев, 1982, с. 45]. Природа – это второе откровение, второе писание. Видимая природа – «как бы книга, написанная Царством Божиим» [Лихачев, 1982; Лихачев, 1979, с. 162]. Для мировоззрения крестьян характерны целостность, синкретичность восприятия мира во всех его проявлениях, постоянное ощущение взаимосвязанности людей и природного универсума, включенность человека в космические и природные ритмы. Крестьяне не стремились выделиться из окружающей природы, бороться с нею. Важнейшим для занимающихся сельскохозяйственным трудом людей было ощущение стабильности, уверенности в постоянстве ежегодного кругооборота, закономерной смены времен года, необходимой для того, чтобы посеять, вырастить и собрать урожай, составляющий основу благополучия и жизни крестьянской семьи [Власова 1995, с. 12].

Архитектура посредством присущего ей профессионального языка отражает мировоззрение человека и его духовное устройство. Безусловно, рассматривать смысл русского православного храма можно лишь в его идее как Дом Бога. Сакральный смысл слова «Дом» означающего «Храм», семантически тождественен в европейских языках: «*Notre-Dame*», «*Домский собор*», «*Domesday*», «*Domus*». [Христианство. Словарь ... , 2001]. Как мы видим, само развитие человечества поставило храм в центр жизни верующих людей. Библейские источники указывают не только на смыслообразующую роль храма в пространстве человеческого обитания, но и на особенности деяния людей, объединенных идеей храма [Злотникова, 2002, с. 6-7].

Основу архитектурного устройства и символики деревянного храма северных и арктических территорий (Поморье) составляют православие и мифологическое мировоззрение. Это находит подтверждение в организации культурного и сакрального ландшафта, в исторических преданиях и легендах о выборе места для строительства храма (часовни), особом статусе «священных» и «придорожных» роц и деревьев, выборе деревьев для строительства в сакральном значении, антропоморфности архитектурного пространства храма, использовании отдельных частей деревянного храма как общественного центра и места проведения древних обрядов [Архив ФИЦКИА УрО РАН. Отчет о НИР № ГР АААА-А18-118012390220-3 «Комплексное исследование

формирования и трансформации историко-культурного наследия в этно-социальной динамике Европейского Севера и Арктики». Руководитель темы д-р культурологии А. Б. Пермиловская, 2018. 101 с. С. 14-20]. В этом контексте рассмотрим особую роль трапезной в деревянных храмах. Трапезная в северных церквях располагалась между храмом и притвором. Это было большое помещение, где прихожане ожидали богослужения, а пришедшие в храм издалека могли здесь перекусить. Трапезная в монастырях – это общая столовая для монахов. Общественно-мирская роль трапезной особенно прочно утвердилась в первой половине XVII в. в церквях отдаленных поселений, где в Смутное время государственная власть очень ослабла. На северных окраинах Руси возникла и окрепла новая форма государственной власти – местное земское самоуправление. Тогда церкви, будучи едва ли не единственным типом общественного здания, выполняли функцию центров земского самоуправления [Ополовников, 1986, с. 7-8], где зачитывались царские указы, вершились суды, проходили мирские сходы. Первичное назначение трапезной отражено в самом ее названии: здесь устраивались общественные трапезы, пиры, «братчины», приуроченные к определенным событиям и сопровождавшиеся питьем общественного, так называемого «молебного» пива – остаток древних языческих собраний, воплотившийся на Европейском Севере в народном православии.

Ритуал «молебного пива» проводился и у обетных крестов. В исследованиях Б. В. Панченко приводятся данные о художественно выполненных резных деревянных обетных крестах Новолодожского уезда Санкт-Петербургской губернии XVII–XVIII вв. Самый ранний из сохранившихся крестов (размер: 215×159 см) находился в д. Межумошье, в настоящее время это экспонат Старолодожского музея-заповедника. Он был «поставлен на поклонение православным христианам повелением рабов Божиих Матвея с братиею и Севастьяна Межумоских» с предписанием праздновать праздники св. Георгию и сщмч. Флору и Лавру [Панченко, 2014, с. 354]. Изучение фотографий и расшифровка надписей 27 крестов, представленных в альбоме исследователя Н. И. Репникова в 1911-1912 гг., и коллекции фотографий из архива Российского этнографического музея позволяют говорить о традиции постановки обетных крестов, существовавшей в Поволховье на протяжении 130 лет. В связи с контекстом данной работы

интересно вспомнить обряды, проводимые у этих крестов в соответствии с традициями народного православия, заинтересовавшие Следственную комиссию Святейшего Правительственного Синода, материалы о которых были опубликованы А. С. Лавровым. В 1730-х гг. в деревнях Ямбургского и Копорского уездов Санкт-Петербургской губернии – на территориях, разоренных смутой, а после Столбовского мира отошедших к Швеции, у деревянных крестов совершались архаичные обряды, соотносимые с братчиной в православных храмах и часовнях. В праздники Флора и Лавра, Петра и Павла, пророка Ильи и Архангела Михаила местные жители у креста ставили икону, свечи, молились, а затем поливали крест каждый своим пивом и клали часть приготовленной еды. Участвовали в этом только мужчины одной определенной деревни. На допросе крестьяне показали, что *«и деды и отцы их так творили, чая себе от Бога милости»*. Эти обряды появились вместо отсутствовавших церковных обрядов, когда православное население было лишено священника и отрезано от метрополии [Панченко, 2014, с. 361; Лавров, 2000, с. 133-144].

Церкви, колокольни, часовни, обетные кресты, ставившиеся в ходе освоения территорий, включались в важнейшие объекты крестьянского мира – деревни, дороги, уголья, холмы, водоемы. Многие храмы характеризовались выраженным природно-ландшафтным расположением и находились на возвышении – «гриве» (Мезень). Высокие шатровые храмы по побережью Белого моря были видны морякам за многие десятки километров и служили своеобразными ориентирами и маяками.

Часовни также в большинстве случаев занимают высотные доминанты, уступы рельефа, острова, полуострова, береговые мысы, места волоков. При их возведении местоположение и зрительные связи соотносились с водными и сухопутными путями, сторонами света, расположением в структуре деревни [Мелютина, 2013, с. 50]. Например, известная Никольская часовня в д. Вершинино Плесецкого района (НП «Кенозерский»), расположенная на высоком холме, господствует над округой и хорошо видна из окон крестьянских домов, концентрируя и объединяя пространство вокруг себя.

Существует корпус исторических преданий и легенд о выборе места для храма на Русском Севере. Часто этот выбор определялся с помощью гаданий. В ритуале использовались живые священные животные (конь) и предметы (дерево,

икона, крест, свеча), имевшие сакральный статус в традиционной крестьянской культуре и обладающие высокой степенью семиотичности.

Большое значение для строительства имел выбор деревьев не только в практическом, но и в сакральном значении. Существовали деревья, которые нельзя было использовать для строительства. К ним относилась большая группа «священных деревьев». Священными считались как отдельно стоящие деревья, так и целые «священные рощи», особенно часто встречаемые на Русском Севере. Они росли на месте разрушенной церкви, часовни или на кладбище [Байбурин, 1983, с. 28]. Священные рощи как культовые места сохранились в XIX–XXI вв. Это участки леса, состоящие из очень старых деревьев; иногда они были обнесены оградой, внутри которой, помимо деревьев, находились святыни: часовня, крест, особо почитаемое дерево, дерево с явленной на нем иконой, целебный источник. Сюда приходили лечиться, пить воду, молиться. При этом оставляли на деревьях вблизи источников, на иконах и крестах одежду, ткань, ленты, деньги и другие приношения. Здесь же совершались крестные ходы в праздники, особенно в дни освящения местных часовен.

Рощи считались неприкосновенными. В такой священной роще нельзя было не только срубить дерево, но и, например, просто сломать ветку, а нарушивших запреты постигали наказания, рассказы о которых формировали корпус местных легенд. В Ошевенской слободе Каргопольского района сохранился ряд священных деревьев, которые расположены у источников. Как правило, это деревья с какими-либо аномалиями: например, на берегу о. Валдово стоит раздвоенная сосна, на которой развешана одежда, по существу, это дерево выполняло функции обетного креста и несло человеку избавление от болезней [Архив АГМДЗНИ «Малые Корелы». № 1134. А. Б. Пермиловская. Отчет по экспедиции в Каргопольский район. Архангельск, 1984. Т. 1, с. 15]. Сакральный статус имели некоторые «придорожные» деревья и рощи. Многие из них отмечали границу своей территории, располагаясь за околицей селения, у дороги или на перекрестке дорог. В Заонежье и на Каргополье у развилки и перекрестков стояли «дорожные» деревья, преимущественно сосны и ели, с которыми были связаны особые верования и обряды. Дорожная сосна у начала большой дороги за д. Мягроозеро – это старое дерево с дуплом, в котором находился крест, а прежде была икона. Помолвившись, пут-

ники оставляют в дупле монеты, тряпочки или развешивают куски материи на ветвях сосны [Щепанская, 2003, с. 275; Логинов, 1992, с. 64]. У дороги на Почозеро Плесецкого района (Кенозеро) стоит большая многоствольная «придорожная» сосна с обетными приношениями. Деревья в некоторых регионах сажали у дорог по случаю рождения ребенка. На Кенозере зафиксирован обычай сажать ель, если родится мальчик, иву – если девочка. Деревьям рябины и можжевельника («вереса») поверья приписывали особое свойство открывать человеку дорогу, выводить из леса, когда заблудится.

Запрет что-либо брать у священных колодцев, деревьев, камней, часовен мотивировался неминуемым наказанием за святотатство. Старые большие деревья, растущие в деревнях или в непосредственной близости от них и почитаемые неприкосновенными, служили местом сбора во время больших празднеств. Здесь водили хороводы и устраивали игры, жгли обрядовые костры, отсюда начинались обрядовые процессии и ритуальные обходы дворов.

Влияние мифологического мировоззрения русских и православия на архитектурное устройство и знаковость северного деревянного зодчества проявилось в его антропоморфизации. Антропоморфными аналогиями полна архитектурная лексика и терминология деревянной архитектуры, обозначающая те или иные его конструктивные части. Верх православного храма составляли глава и шея. Декоративно-конструктивный элемент кровли церкви, а также кровли над прирубам и алтарем назывался кокошником, который покрывался лемехом, по аналогии с традиционным женским головным убором – кокошником, украшенным речным жемчугом. Фасадную и лицевую части церкви, терема или избы называли челом, а выпуклую поверхность купола или свода – лбом. В народной пословице проведена вполне оправданная аналогия между бревнами и ребрами: «Церковь не в бревнах, а в ребрах» [Снегирев, 1996, с. 134]. В любом строении имелись причелины (название происходит от слова «чело» – лицо). Термин «наличники» ассоциируется также со словом «лицо», «очелье» – «очи», окно, лобовая доска – «лоб», потолок – «череп», часть дверного полотна, укрепленного в виде шарнира в косяке входного проема – «пята», «стопа». Семантическими эквивалентами слову «чело» являются «лоб», «лобьяк», «залобник» [Пермиловская, 2018].

Вся история древнерусского деревянного зодчества свидетельствует об исключительном внимании плотников к архитектурным формам и композиционным приемам возведения кровли. «По понятиям древности, первая красота здания заключается в его покрытии, в его кровле, головном уборе» [Забелин, 1900, с. 57]. Самой распространенной и древней на Севере является двухскатная тесовая кровля по потокам и курицам, сделанная без гвоздей. Верхнее обрамление крыши крестьянской избы, часовни, отдельных приделов храма (алтаря, трапезной) – «шелом» или «охлупень» – представляет собой тяжелое, толстое бревно, выдолбленное снизу, держащееся собственной тяжестью, его диаметр доходил до 60 см; мог быть также связан с князевой слегой деревянными стержнями – стамиками. Охлупень прикрывает стык скатов кровли. Архаичные черты в севернорусской архитектурной традиции наиболее устойчиво проявляются в скульптурном завершении охлупня, которое осмысливается в качестве головы коня. Идея защиты, оберега – один из главных семантических аспектов традиционного искусства. Слово «шелом» также было связано с защитой и означало шлем древнерусского воина.

Существует различие между охлупнями жилых и культовых построек. По архитектурно-конструктивному и планировочному устройству северный дом большого размера иногда имел два-три охлупня – их концы нависали над передним и задним фасадами избы. Охлупень над хозяйственным двором иногда обрабатывался в форме второй конской головы или чаще всего в форме волутообразного завитка, образующего своеобразный «хвост». Охлупни в форме конской головы не украшают кровли культовых построек, необходимый конструктивный элемент здесь обрабатывался стилизованно, его форма «следовала» за конструкцией. Охлупень часто крепился к коньковой слеге деревянными клиньями – нагелями («стамики», «шарики», «бабайки», «сорочки»). Последнее определение не случайно: они действительно напоминают рассеявшихся на крыше птиц. Орнитоморфные, согласно названию, и антропоморфные мотивы выявлены в этих декоративных деталях кровли. Слово «сорочка» означает женский головной убор, украшенный жемчугом, получивший распространение на Русском Севере. В Сольвычегодском уезде сверху охлупня на всем протяжении вместо «сорочка» устанавливались «мужички» – вертикальные деревянные скульптуры с круглым основанием и

подобием человеческого бюста в верхней части. В Поважье им соответствовали «солдатики» или резные столбики. В некоторых местностях старики называют «куклами» [Пермиловская, 2018].

Результаты исследования

В результате проведенных работ в интегративном научном поле исследовано влияние мифопоэтического мировоззрения русского православия на архитектурное устройство и знаковость в концепции деревянного храмостроительства северных и арктических территорий.

Лексика, связанная с народным зодчеством, указывает на антропоморфность архитектурного облика деревянных построек: сооружение как бы собирается из «крупных», качественно значимых составляющих человеческого тела (голова, шея, лицо, очи, кокошник, лоб, ребро, человеческий бюст и др.). Эта традиция сохраняется и укрепляется тем обстоятельством, что с древних времен пропорции человеческого тела выступали как тектоническая (строительная) модель всего архитектурного сооружения.

Для выявления культурного кода Русского Севера (народного деревянного зодчества) мною предложена метафора, берущая свое начало в строительной терминологии русского деревянного зодчества и воплощающая культурные смыслы материальной среды и связанного с нею народного мировоззрения: *«Как мера и красота скажут»* [Пермиловская, 2013]. Термин *«мера»* происходит из Византии, Болгарии, зодчие из этих мест строили первые храмы на Руси. Для строительства использовались *«меры»* – габариты и пропорции, что зафиксировано в церковных текстах. *«Мера»* позволяла заранее представить, как будет выглядеть сооружение, и рассчитать примерный расход материалов, при этом не требовались точные масштабные чертежи. Достаточно было рисованной или процарапанной на бересте схемы плана с указанием мер, и, конечно же, меры должны были соотноситься с самым удобным измерительным инструментом – человеческим телом. То, чего *«досягают»* руки, раскинутые в стороны, – сажень. Наибольший захват растянутыми пальцами – пядь – совершенно точно дважды укладывается в один локоть, а сажень равна четырем локтям. Средняя, наиболее распространенная величина сажени – 176 см. Вспомним знаменитый чертеж Леонардо да Винчи, в котором гениально зафиксирована связь метрики человеческого тела и архитектурно-градостроительного модуля. Получалось, что мастер, используя несколько мер, заключенных в

его собственном теле, самопроизвольно создавал структуру пространства, в которой все части оказывались гармонично соединены между собой.

Орнаментация декора представляет собой знаковую систему. Архитектурные и декоративные элементы составляли не только часть конструкции жилища и храма, но и *«конструкции»* крестьянского мировоззрения, где определяющее значение принадлежит православию и мифопоэтическим верованиям русского народа. Сбалансированность утилитарных и символических функций определила ту исключительную роль, которая дает возможность говорить о народной архитектуре северных территорий как о феномене русской и мировой культуры [Permilovskaya, 2017].

Заключение

Деревянные храмы – знаковое наследие Европейского (Русского) Севера и Арктики (Мезень, Поморье, Онежское Поморье). Данная тема исследования об архитектурном устройстве и знаковости в концепции русского деревянного храмостроительства северных и арктических территорий является начальным этапом новой научной работы. Сделаем некоторые предварительные выводы. В ходе исследования впервые архитектурное устройство и знаковость традиционного культового зодчества рассматриваются в сравнении с древнерусской архитектурой и с позиций нескольких научных дисциплин: культуры и искусства, истории и этнологии, богословия и религиоведения.

В ходе исследования изучена символика деревянного креста, которая занимает центральное место в традиционной культуре и христианстве. В православии крест характеризуется как мировое *«животворящее»* дерево – дерево жизни [Пермиловская, 2019].

Доказано, что история русской деревянной архитектуры в значительной степени является историей деревянного зодчества Русского Севера. Традиции Византии с установившимися основными формами плана и составляющих элементов были приняты зодчими Руси всецело и оставались неизменными на протяжении столетий. Но деревянное храмостроительство развивается своим путем и постепенно приобретает черты яркой национальной индивидуальности.

В работе обоснован алгоритм взаимодействия мифопоэтического мировоззрения и православия на архитектурное устройство и знаковость церковного зодчества. Это подтверждается лексикой, указывающей на антропоморфность архитектур-

ного облика храма. Сооружение как бы собирается из «крупных», качественно значимых составляющих человеческого тела (голова (глава), шея, лицо, очи, лоб, ребро и др.). Эта традиция сохраняется благодаря тому, что с древних времен пропорции человеческого тела выступали как строительная модель всего архитектурного сооружения. Вершина развития деревянного зодчества, воплощенная в северной храмовой архитектуре, явилась закономерным итогом развития древнерусских архитектурно-строительных традиций и отражением талантливости русского народа, что позволяет перевести понятие «русский плотник» в категорию «русский зодчий».

Библиографический список

1. Байбури А. К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян : монография. Ленинград : Наука, 1983. 190 с.
2. Власова М. Н. Новая АБЕВЕГА русских суеверий : монография. Санкт-Петербург : Северо-Запад, 1995. 380 с.
3. Грабарь И. Э. История русского искусства : монография : в 6 т. Москва : И. Кнебель, 1910. Т. 1. Архитектура. До-петровская эпоха. 508 с.
4. Забелин И. Е. Русское искусство. Черты самобытности в древнерусском зодчестве : монография. Москва : Гросман и Кнебель, 1900. 160 с.
5. Злотникова Т. С. Светлая душа города // Рутман Т. А. Церковь Ильи Пророка в Ярославле: Кн. 2. Ярославль : Александр Рутман, 2004. 260 с.
6. Логинов К. К. О жертвоприношениях в Заонежье // Обряды и верования народов Карелии. Петрозаводск : КНЦ РАН, 1992. 185 с.
7. Мелютина М. Н. Сакральный ландшафт Кенозерья : монография / М. Н. Мелютина, Н. М. Терехин. Архангельск : М-во образования и науки Арханг. обл., САФУ, Нац. парк «Кенозерский», 2013. 203 с.
8. Лавров А. С. Колдовство и религия в России 1700-1740 гг. : монография. Москва : Древлехранилище, 2000. 575 с.
9. Лихачев Д. С. Поэзия садов: к семантике садово-парковых стилей : монография. Ленинград : Наука. Ленингр. отделение, 1982. 343 с.
10. Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы : монография. Москва : Наука, 1979. 360 с.
11. Ополовников А. В. Русское деревянное зодчество: Памятники шатрового типа. Памятники клетского типа и малые архитектурные формы. Памятники ярусного, кубоватого и многоглавого типа : монография. Москва : Искусство, 1986. 311 с.
12. Панченко Б. В. Памятники неизвестной кресторезной мастерской XVII-XVIII вв. Обетные кресты из Староладожского музея // Ладога в контексте истории и археологии Северной Евразии. Санкт-Петербург : Нестор-История, 2014. С. 354-367.

13. Пермиловская А. Б. Культурные смыслы народной архитектуры Русского Севера : монография. Екатеринбург : УрО РАН ; Архангельск : ОАО «ИПП «Правда Севера» ; Ярославль : ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, 2013. 608 с.

14. Пермиловская А. Б. Декоративное убранство как часть конструкции жилища и «конструкции» крестьянского мировоззрения // Культура и искусство. 2018. № 2. С. 33-40. DOI: 10.7256/2454-0625.2018.2.25584.

15. Пермиловская А. Б. Символика мирового дерева и креста в традиционной культуре и христианстве // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 2 (21). С. 245-250. DOI: 10.20323/2499-9679-2020-2-21-245-250.

16. Христианство. Словарь: слова и выражения на английском, французском, немецком, итальянском, русском языках / сост. Н. Н. Поташинская. Москва : Международные отношения, 2001. 560 с.

17. Снегирев И. М. Словарь русских пословиц и поговорок. Нижний Новгород : Три богатыря, 1996. 621 с.

18. Фролов А. И. Исследователям и поклонникам Русского Севера // Библиография и книговедение. Москва : Информационное телеграфное агентство России (ИТАР-ТАСС), Российская Книжная Палата филиал ИТАР-ТАСС. 2020. № 4(429). С. 35-40.

19. Щепанская Т. Б. Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX-XX вв. : монография. Москва : Индрик, 2003. 528 с.

20. Anna Permilovskaya. Wooden Folk Architecture in Western Russia // Habitat: Vernacular Architecture for a Changing Planet. London : Thames & Hudson, 2017. P. 392-397.

Reference list

1. Bajburin A. K. Zhilishhe v obrjadah i predstavlenijah vostochnykh slavjan = Dwelling in rites and representations of the Eastern Slavs : monografija. Leningrad : Nauka, 1983. 190 s.
2. Vlasova M. N. Novaja ABEVEGA russkih sueverij = New ABEVEGA of Russian superstitions : monografija. Sankt-Peterburg : Severo-Zapad, 1995. 380 s.
3. Grabar' I. Je. Istorija russkogo iskusstva : monografija : History of Russian art: monograph v 6 t. Moskva : I. Knebel', 1910. T. 1. Arhitektura. Do-petrovskaja jepoha. 508 s.
4. Zabelin I. E. Russkoe iskusstvo. Cherty samobytnosti v drevnerusskom zodchestve = Russian art. Features of identity in ancient Russian architecture : monografija. Moskva : Grosman i Knebel', 1900. 160 s.
5. Zlotnikova T. S. Svetlaja dusha goroda = The bright soul of the city // Rutman T. A. Cerkov' Il'i Proroka v Jaroslavle: Kn. 2. Jaroslavl' : Aleksandr Rutman, 2004. 260 s.
6. Loginov K. K. O zhertvoprinoshenijah v Zaonezh'e = About sacrifices in Zaonezhije // Obrjady i verovanija narodov Karelii. Petrozavodsk : KNC RAN, 1992. 185 s.

7. Meljutina M. N. Sakral'nyj landshaft Kenoz'er'ja = Sacred landscape of Kenozerie : monografija / M. N. Meljutina, N. M. Terebihin. Arhangel'sk : M-vo obrazovanija i nauki Arhang. obl., SAFU, Nac. park «Kenozerskij», 2013. 203 s.
8. Lavrov A. S. Koldovstvo i religija v Rossii 1700-1740 gg = Witchcraft and religion in Russia. 1700-1740 : monografija. Moskva : Drevlehranilishhe, 2000. 575 s.
9. Lihachev D. S. Pojezija sadov: k semantike sadovoparkovyh stilej = Poetry of gardens: to the semantics of garden and park styles : monografija. Leningrad : Nauka. Leningr. otdelenie, 1982. 343 s.
10. Lihachev D. S. Pojetika drevnerusskoj literatury = Poetics of ancient Russian literature : monografija. Moskva : Nauka, 1979. 360 s.
11. Opolovnikov A. V. Russkoe derevjannoe zodchestvo: Pamjatniki shatrovogo tipa. Pamjatniki kletskogo tipa i malye arhitekturnye formy. Pamjatniki jarusnogo, kubovatogo i mnogoglavogo tipa = Russian wooden architecture: Monuments of the tent type. Monuments of the Kletsky type and small architectural forms. Monuments of the tiered, cubed and polyhedron type : monografija. Moskva : Iskusstvo, 1986. 311 s.
12. Panchenko B. V. Pamjatniki neizvestnoj krestozreznoj masterskoj XVII-XVIII vv. Obetnye kresty iz Staroladozhskogo muzeja = Monuments of the unknown cross-cutting workshop of the XVII-XVIII centuries. Vow crosses from the Staroladozhsky Museum // Ladoga v kontekste istorii i arheologii Severnoj Evrazii. Sankt-Peterburg : Nestor-Istorija, 2014. S. 354-367.
13. Permilovskaja A. B. Kul'turnye smysly narodnoj arhitektury Russkogo Severa = Cultural meanings of folk architecture of the Russian North : monografija. Ekaterinburg : UrO RAN ; Arhangel'sk : OAO «IPP «Pravda Severa» ; Jaroslavl' : JaGPU im. K. D. Ushinskogo, 2013. 608 s.
14. Permilovskaja A. B. Dekorativnoe ubranstvo kak chast' konstrukcii zhilishha i «konstrukcii» krest'janskogo mirovozzrenija = Decorative decoration as part of the construction of the dwelling and the «construction» of the peasant worldview // Kul'tura i iskusstvo. 2018. № 2. S. 33-40. DOI: 10. 7256/2454-0625. 2018. 2. 25584.
15. Permilovskaja A. B. Simvolika mirovogo dereva i kresta v tradicionnoj kul'ture i hristianstve = Symbolism of the world tree and cross in traditional culture and Christianity // Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik. 2020. № 2 (21). S. 245-250. DOI: 10. 20323/2499-9679-2020-2-21-245-250.
16. Hristianstvo. Slovar': slova i vyrazhenija na anglijskom, francuzskom, nemeckom, ital'janskom, russkom jazykah = Christianity. Dictionary: words and expressions in English, French, German, Italian, Russian / sost. N. N. Potashinskaja. Moskva : Mezhdunarodnye otnoshenija, 2001. 560 s.
17. Snegirev I. M. Slovar' russkih poslovic i pogovorok = Dictionary of Russian proverbs and sayings. Nizhnij Novgorod : Tri bogatyrya, 1996. 621 s.
18. Frolov A. I. Issledovateljam i poklonnikam Russkogo Severa = Researchers and fans of the Russian North // Bibliografija i knigovedenie. Moskva : Informacionnoe telegrafnoe agentstvo Rossii (ITAR-TASS), Rossijskaja Knizhnaja Palata filial ITAR-TASS. 2020. № 4(429). S. 35-40.
19. Shhepanskaja T. B. Kul'tura dorogi v russkoj mi-foritual'noj tradicii XIX-XX vv. = Culture of the road in the Russian mythorital tradition of the XIX-XX centuries materials : monografija. Moskva : Indrik, 2003. 528 s.
20. Anna Permilovskaya. Wooden Folk Architecture in Western Russia // Habitat: Vernacular Architecture for a Changing Planet. London : Thames & Hudson, 2017. R. 392-397.